

- [Теодор Драйзер](#)
 -

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Теодор Драйзер

Очистка нефти

Неподалеку от Нью-Йорка, на южной оконечности полуострова, известного под названием Бейонн, есть участок земли, отведенный для своеобразной деятельности. Полуостров этот — длинная узкая коса — разделяет два широких залива: один уходит далеко к Ньюарку, другой к бескрайнему, неугомонному океану по ту сторону Бруклина. Во всякое время года тут свищет буйный ветер. Высоко над темными крышами зданий носятся чайки и крачки. Повсюду высоченные фабричные трубы, унылые строения из красного кирпича, громадные круглые резервуары для горючего — какой-то мрачный хаос, но он не лишен притягательной силы: так притягивает взгляд редкое уродство или трагическая театральная маска.

Здесь обосновалось процветающее предприятие — одна из ветвей гигантского дерева, — где производят, точнее, очищают, нефть. В самый обычный будний день здесь открывается весьма внушительная картина того, что называют промышленностью. У этих причалов швартуются огромные суда, только что прибывшие или готовые отплыть во все порты мира. На бесчисленных железнодорожных путях, в тупиках и на ветках, отходящих от главных магистралей, длиннейшие составы нефтяных цистерн, словно стальные караваны, ждут своего часа, чтобы нести все новые грузы нефти в самые отдаленные уголки страны. Бесчисленные строения всех видов и размеров непрерывно изрыгают густые клубы дыма, и в пасмурный день, куда ни глянь, всюду багровеют огни, — их негаснувший отсвет придает унылому однообразию черных и серых тонов какую-то зловещую красоту.

Этот клочок земли, уж во всяком случае, примечателен и своей живописностью, а не только тяжким человеческим трудом. Художник найдет здесь тысячи контрастов, тысячи оттенков черного, серого, красного, синего — есть над чем поработать карандашом и кистью. Какие высокие эти трубы, а встают они над такой низкой, приземистой постройкой. На болотистой почве, образовавшейся за столетия из сплошной массы морских водорослей, всюду лужи с радужным отливом нефти, между ними чернеет земля, и еще черней — стены несчетных построек: ни один художник не устоит перед таким сочетанием тонов и оттенков. Уистлер создал бы здесь изумительные рисунки пером. Вьерж

или Шинн показали бы, что значит уловить и запечатлеть самую суть мрака. Если сюда случайно забредет человек восприимчивый, он содрогнется и поспешит прочь, угнетенный и подавленный. Это великое царство тьмы полно неустанного движения и притом играет всеми тончайшими оттенками серого и черного.

Но как ни поражает эта картина, еще поразительней скрытая за нею суровая жизнь. Тех, кто здесь работает — а их тысячи и тысячи, — можно не задумываясь назвать самыми обыкновенными людьми. Конечно, они не обладают никакими особыми талантами, иначе они не работали бы здесь. Они не слишком привлекательны внешне, ибо тело обычно отражает душу, а за наружностью этих людей чаще всего чувствуется неповоротливый, неразвитый ум. В большинстве это шведы, поляки, венгры, литовцы, которые еще плохо говорят по-английски; жизнь их тяжела и скудна, и тот, кто привык к сколько-нибудь сносным условиям существования, содрогнется при одной мысли о ней. Они ютятся в полуразвалившихся лачугах рядом с заводами, и одному небу известно, как удается им сводить концы с концами. Зарботок их невелик (доллар, полтора — уже хорошая плата), а многие должны еще кормить семью, большую семью, ведь у бедняков всегда много детей. Тут и там видны крохотные темные лавчонки и такие же темные дешевые кабачки, куда рабочие нередко заходят выпить. Глядя на эти лачуги и кабачки, невольно думаешь, что ни один человек, на каком бы низком уровне развития он ни стоял, не должен жить в таких условиях и что высшая мудрость, которой мы когда-то наделяли природу, не должна бы этого допускать. И, однако, все это перед вами.

Но в нестерпимую летнюю жару или в сильный холод, в дождь или снег, когда буйствуют стихии, эти труппы обретают какую-то хмурую торжественность, скорбное достоинство или безнадежность, — за такое зрелище можно, пожалуй, воздать природе хвалу! Они такие угрюмые, такие безотрадные, неприятные. Художники должны бы писать с них картины. Романисты — изображать их в книгах. Музыканты — черпать здесь вдохновение для своих диссонансов и контрапунктов. Это жизнь в самом мрачном своем обличье, ее грубая, неприглядная изнанка.

Однако картина будет неполной, если, помимо жилищ, не описать работу на заводах — работу нудную, грязную, безрадостную, ничего не дающую ни уму, ни сердцу, ибо это процесс чисто механический, один и тот же изо дня в день, без намека на творчество: наполнять нефтью чаны; прибавлять в чан определенное количество разных химических веществ, способствующих очистке нефти; открывать и закрывать краны, чтобы нефть переливалась по трубам из одного чана в другой и, наконец,

попадала в бочки и в баки, которые погрузят на автомобили или пароходы. Как все это делается, вы прочтете в любой энциклопедии. Меня же интересует другое: здесь, в гнетущей, сумрачной мгле, среди тошнотворных запахов и испарений, день за днем работают люди. Достаточно войти в заводской двор, заглянуть в любое из этих зданий, посмотреть на рабочих, на их усталую, тяжелую походку, чтобы понять, что эта полутьма, этот воздух, насыщенный зловонием и вредными газами, отнюдь не благоприятствуют ни телесному здоровью, ни духовному развитию.

Повсюду видишь только нефть, всевозможные отходы и кислоты, задыхаешься от едких запахов. Со всех сторон из громадных труб

поднимаются к небу столбы черного и сизого дыма или синеватые облака пара, которые, оседая, втягиваются в окна. Земля под ногами пропитана нефтью, нефтью забрызгано и перепачкано все вокруг — цистерны, грузовики, инструменты, машины, здания и, конечно, люди. От нее здесь, кажется, никуда не уйдешь. Самый воздух полон дыма и нефти.

И в такой обстановке работают тысячи людей. Их можно увидеть утром, когда с завтраком в котелке или корзинке они бредут на работу: лица у них землисто-бледные; от постоянного пребывания в дыму и вредных испарениях некоторые надрывно кашляют; а вечером они бредут обратно, лица их все так же землисто-бледны, и они все так же кашляют; за днем тяжелого труда наступает ночь, сон в убогой, мрачной лачуге, которую и домом-то не назовешь. А на смену тянется другая вереница людей. Каждое утро и каждый вечер в течение часа два встречных людских потока растягиваются на добрые две мили, направляясь на работу и возвращаясь с нее. Тут не заметишь ни искры веселья, ни признака оживления. На всех лицах застыло выражение, которое появляется только у человека, вынужденного исполнять какую-либо однообразную, механическую работу. Поистине это тягостное зрелище.

И все же я не сказал бы, что этот труд совершенно непосилен и невыносим. «Бог смиряет ветер ради стриженной овцы», — говорит старая поговорка, и, конечно, она справедлива. Несомненно, эти люди не столь чутки и восприимчивы, как некоторые чувствительные натуры, и, вполне возможно, самое понятие того, что называется «окружающей атмосферой», им незнакомо и чуждо. Но здоровье их, бесспорно, разрушается на этой работе, и бесспорно также, что условия их жизни из рук вон плохи, все равно, виноват ли в этом невысокий уровень развития, или невысокий заработок, или то и другое вместе. Конечно, одно дополняет другое. Пожалуй, любую попытку помочь им материально или духовно они встретили бы с недоверием. Как бы то ни было, до сих пор никто и не пытался улучшить их положение. Им платят жалованье, и никто даже не думает еще хоть чем-нибудь им помочь.

К примеру, для целой армии рабочих, которые очищают перегонные кубы и мешалки от нефтяных остатков и отбросов — отвратительной вязкой гущи, — отгорожен досками тесный закуток за каморкой старшего мастера; свет проникает сюда только через низкую дверь, нет ни мыла, ни полотенца, один лишь длинный желоб с водой, вроде низкого деревянного корыта, и все. В котельной, куда в полдень и вечером сходятся более трехсот рабочих, чтобы съесть свой завтрак или обед, тоже не лучше. Некоторые после работы все же пытаются кое-как почиститься, а другие

так и уходят из цеха грязные — все равно толком не отмоешься. Это отнимает слишком много времени. Никому и в голову не приходит устроить для рабочих чистую, удобную столовую или, скажем, раздевалку. Еду люди приносят из дому в котелках.

Однако я не намерен здесь разбирать сложную проблему наемного труда с точки зрения этической, я лишь описываю, как выглядит эта отрасль нефтяной промышленности. Если вам по вкусу мрачные зрелища, в пасмурный или ненастный день вы найдете здесь законченную картину тяжкого, безотрадного труда, которая, возможно, скоро отойдет в прошлое, ибо мир неуклонно меняется.

С одной стороны, безмерно скаредные хозяева, те, в чьих руках огромная власть и богатство; с другой — безответные жертвы этой скаредности и равнодушия; и над всем — дым, газы, и всюду эти пропитанные зловонием каменные коробки. Право, если вы пожелаете отправить в ад злейшего врага своего, нельзя найти ничего более подходящего, чем отвратительные коробки, где люди бродят, как страждущие души в этом людьми же созданном чистилище; трудно себе представить, на каком низком уровне развития остаются почти все эти пасынки природы.

Внизу — непросвещенность и, скажем так, неразвитость ума и притупленность чувств; наверху, у главных акционеров нефтяного концерна, — роскошные особняки и конторы, собственные автомобили, коллекции картин. Для тех, кто наверху, — пышные дворцы Пятой авеню, великолепные курорты Ньюпорта и Палм-Бич, для них — искусство и свобода; для тех, кто внизу, — мрачный заводской цех, тучи дыма, недуги, зловоние, убогое жилище. Но кто скажет, что это не есть predetermined порядок жизни? Можно ли это изменить? Кто может сказать?

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)